

Режиссер Ли сидел с двумя огромными темными кругами под глазами. Судя по такому виду, он действительно выкладывался ради подготовки этого фильма изо всех сил.

Видя, что оба сели, режиссер, измотанный за последнее время настолько, что не осталось сил на пустые любезности, сразу взял быка за рога:

— Я позвал вас двоих по одному делу. Мы скоро начинаем съемки. Поначалу будет не так сложно, любовных сцен не слишком много, но во второй половине появятся и они, и даже интимные сцены. Как и большинство режиссеров, я не люблю лишних дублей, поэтому к тому моменту вы оба должны войти в нужное состояние.

Режиссер Ли сделал глоток горячего чая, смачивая пересохшее горло.

— Именно поэтому ваши комнаты поселили рядом — чтобы вы как следует наладили отношения. Хотя вы и знакомы, но у меня такое чувство, что вы друг другу чужие. Кроме того, этот фильм в основном крутится вокруг главных героев, а линии остальных второстепенных персонажей лишь двигают сюжет вперед. Так что изучите сценарий, поразмыслите над ним вместе, а когда решите, что чувствуете всё как надо, просто прочтете мне.

— Ладно, впредь вам обоим нужно основательно изменить свое нынешнее состояние. Когда дело дойдет до съемок романтических сцен, нельзя выглядеть так, как сейчас.

Ли Ихуа в последнее время толком не отдыхал. Подумав, он решил, что сказал уже практически всё. В рабочем режиме Ли Ихуа действительно обладал непреклонным нравом:

— Всё, поработайте как следует над притиркой друг к другу в ближайшее время, завтра уже начинаем съемки.

Цзян И и Чэнь Мэнъюнь вышли из ресторана еще немного ошарашенными. Раньше они знали, что режиссер Ли мастерски снимает артхаус, но не ожидали от него такой преданности делу. Настоящий режиссер-наградчик, определенно мастер своего дела.

Чэнь Мэнъюнь легко хлопнула Цзян И по плечу, и тот опомнился:

— Что такое?

Чэнь Мэнъюнь нахмурилась:

— Откуда вообще взялись эти интимные сцены?

— Я и сам не знаю, в сценарии, вроде бы, ничего такого не было, — тоже озадачился Цзян И.

Чэнь Мэнъюнь предложила:

— Как насчет того, чтобы вечером вместе разобрать сценарий? Посмотрим завтрашние сцены и заодно выясним, где там вообще запрятаны эти интимные эпизоды.

— Ладно, — согласился Цзян И.

— Пойдем ко мне или я к тебе?

Тут Чэнь Мэнъюнь вспомнила, что она вообще-то всё еще дуется на него, и тут же сама зовет разбирать сценарий? Да ну, всё ради хорошей игры, утешила она себя.

Цзян И размышлял: идти к ней в комнату тоже не годится — она актриса, а если поползет слух, что к ней заходил актер, это сильно ударит по ее репутации. Звать ее к себе, пожалуй, тоже не совсем удобно.

Не дождавшись ответа от Цзян И, Чэнь Мэнъюнь подумала, что она уже переступила через обиды ради общего дела, а он всё еще чего-то думает? Больше не обращая на Цзян И внимания, она цокнула каблуками и вернулась в свой номер.

Глядя вслед уходящей Чэнь Мэнъюнь, Цзян И подумал: что с ней в последнее время происходит? После перерождения понимать ее становится всё труднее.

Вернувшись в комнату, он взвесил все за и против и всё же позвонил Чэнь Мэнъюнь.

— Давай лучше ко мне в комнату. Я тут поразмыслил: если тебя сфотографируют у меня, это слишком сильно навредит твоей репутации.

Чэнь Мэнъюнь ответила:

— Кажется, моя репутация в любом случае пострадает — неважно, зайдет ли актриса к актеру или актер к актрисе.

Цзян И согласился:

— Похоже на то. Тогда решай сама, мне без разницы.

Чэнь Мэнъюнь подумала, что Цзян И ведь тоже переживает за нее. Ладно:

— Вечером я приду к тебе.

— Хорошо.

Они повесили трубку.

Сегодня, услышав слова режиссера Ли о том, что нужно налаживать отношения, Цзян И по-настоящему растерялся. Раньше он играл романтические сцены исключительно на технике — то есть принадлежал к представителям презентативной школы актерской игры, которая отличается от школы переживания и метода.

Представители презентативной школы играют так, будто испытывают чувства, хотя на самом деле внутри роли не находятся, возвышаясь над персонажем. Школа же переживания и школа метода требуют полного погружения, достижения резонанса между собственной личностью и героем, то есть фактического слияния с персонажем, что делает игру более естественной и способной затронуть зрителя.

Перечитав сценарий еще раз, более внимательно, он с удивлением обнаружил там не просто интимные сцены, но и поцелуи и даже постельные сцены. Правда, все они были описаны вскользь, потому он их сразу и не заметил.

Это еще больше усложнило задачу для Цзян И. Он понятия не имел, удастся ли обойтись в сценах поцелуев фальсификацией ракурсов, ведь опыта реальных поцелуев у него не было.

В прошлой жизни роли, которые ему доставались, практически не содержали сцен поцелуев, а если что-то и было, обходились игрой на камеру. Постельные сцены — и подавно из области фантастики: он был вечно занят съемками и когда ему было заводить отношения? Его драгоценная девственность всё еще при нем — как такую постельную сцену играть?

Не придумав ничего толкового, он решил пустить всё на самотек: слушать режиссера и побольше общаться с Чэнь Мэнъюнь.

Вечером Цзян И немного поел и вернулся в номер, чтобы принять душ. Он только намылил голову пеной, как вдруг раздался стук в дверь.

Пришлось наскоро ополоснуться, обернуться банным полотенцем, приоткрыть дверь на щель и, прижавшись боком к косяку, выглянуть наружу — на пороге стояла Чэнь Мэнъюнь.

— Чего не пускаешь? Неужели не вовремя? — поддразнила она.

— И правда не совсем вовремя. Ты постучала, как раз когда я мылся.

— Ладно, пускай скорее, а то увидит кто, нехорошо будет, — Цзян И открыл дверь и впустил Чэнь Мэнъюнь.

— Сядь пока куда-нибудь, я переоденусь.

Цзян И смущенно прикрыл грудь руками.

На нем было только банное полотенце, а с коротких влажных волос все еще капала вода. Капли падали одна за другой на выразительные ключицы, скользили по рельефному прессу. Стройная талия — внешне худая, но полная скрытой силы.

Чэнь Мэнъюнь невольно сглотнула слюну, глядя на Цзян И. Ее щеки в какой-то момент покраснели, и она попыталась сделать вид, будто ничто не происходит, обмахивая лицо ладонью.

— Чего тут прикрываться? От того, что посмотрят, кусочек не убудет, — с улыбкой произнесла Чэнь Мэнъюнь.

Цзян И не стал ей отвечать, взял чистую одежду и скрылся в ванной.

Оглядев спальню Цзян И — лаконичную и совершенно лишенную каких-либо лишних вещей, — Чэнь Мэнъюнь шагнула к дивану и присела.

Заметив на журнальном столике сценарий Цзян И, она подняла его и заглянула внутрь. Ее поразили густо исписанные пометки на страницах: раньше она знала, что Цзян И человек усердный, но не подозревала, что настолько.

Цзян И вышел из ванной в одежде и сел напротив Чэнь Мэнъюнь, заметив, что та листает его экземпляр.

— С чего начнем? Просто прочтем текст разок, чтобы пройтись по сюжету?

— Давай сначала прочтем сценарий. В самом начале наши линии вообще не пересекаются, у каждого своя сюжетная ветка, — Чэнь Мэнъюнь отложила сценарий и подняла взгляд на Цзян И.

— Хорошо, давай тогда прочтем с начала, — Цзян И взял свой сценарий.

В ее экземпляре тоже хватало пометок: аккуратный почерк и разноцветные выделения маркером.

Бросив взгляд на ее сценарий, Цзян И подумал, что всегда считал ее актрисой от бога, но оказалось, что она еще и невероятно трудолюбива. Истинная слава строится не только на природном даре, но и на упорном труде.

Оба отличались серьезным отношением к работе, так что они быстро погрузились в сюжет.

Главные герои — люди из враждующих лагерей времен Китайской Республики. Героя зовут Цинь Чао, он тайный агент Гоминьдана, внедрившийся в японские оккупационные войска, ставший предателем родины и поднявшийся до высоких чинов.

Он заслужил полное доверие японских генералов. В глазах окружающих он был хладнокровным, безжалостным палачом, презирующим человеческую жизнь, — всеобщей пешкой-выростком, которую проклинали, но связываться не смели.

Героиня же — студентка по имени Цзян Ся. Когда-то ее родной город, родители и младший брат погибли от рук японских захватчиков, и лишь учеба вдали от дома спасла ее от гибели. В ее сердце жила глубокая, въевшаяся до костей ненависть к оккупантам.

По воле случая она вступила в ряды Коммунистической партии, где впервые ощутила тепло настоящего очага и великий дух национального долга.

Когда партийное руководство столкнулось с трудностями в добыче долгосрочных разведанных, Цзян Ся предложила идею: подобраться к Цинь Чао и найти лазейку через него.

Одержимая жаждой мести, она отчаянно стремилась расправиться с врагами — именно месть заставляла ее цепляться за жизнь. В конце концов Цзян Ся сама вызвалась сблизиться с Цинь Чао и стать его любовницей.

Поначалу Цинь Чао относился к Цзян Ся с настороженностью, но постепенно, видя ее неподдельную чистоту, проникся к ней симпатией и искренне полюбил ее.

<http://bllate.org/book/21025/2137190>